

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

старший преподаватель кафедры отечественной истории
исторического факультета, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
taty-lis@yandex.ru

ВОРОВСТВО КАК ТОТАЛЬНОЕ ЗЛО: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ

Целью статьи является рассмотрение стереотипа о тотальном характере воровства и выявление причин гиперболизации масштабов данного преступления по материалам крестьянской культуры середины XIX – начала XX века. Воровство всегда рассматривалось как один из основных пороков русского общества. Однако вопрос о том, насколько этот стереотип соответствует реальности, не становился объектом специальных исследований. Научная новизна работы определяется тем, что проблема мифологизации воровства в целом недостаточно изучена в рамках культурной антропологии. Автор приходит к выводу, что «тотальная» распространенность воровства в пореформенный период является в некоторой степени отражением объективной реальности, однако прежде всего это универсальная мифологема, актуализация которой связана с болезненной для большинства населения модернизацией страны.

Ключевые слова: крестьяне, этнокультурный концепт, механизм гиперболизации масштабов преступления

Судя по материалам статистики, в пореформенный период наблюдается почти двукратный рост преступности: в частности, согласно данным, приведенным Б. Н. Мироновым, число зарегистрированных преступлений с 1861–1870 по 1911–1913 годы увеличилось в 1,98 раза. Важным обстоятельством является то, что рост преступности характеризуется преобладанием различных посягательств против собственности. Так, например, в период с 1874 по 1883 год число зафиксированных полицией преступлений против общественного и государственного порядка составило 13,2 тысячи (в среднем в год), против личности – 22,4 тысячи, а против собственности частных лиц – 57,5 тысяч. В период с 1909 по 1913 год цифры выглядят следующим образом: 55,4, 149,2 и 245,5 тысячи соответственно.

При этом кражи в общем итоге преступлений занимают первое место. В частности, в период с 1874 по 1883 год второе место после краж занимают такие преступления против собственности, как грабеж и разбой, – 12,3 тысячи, а третье – преступления против личности (за исключением убийств, сексуальных преступлений и телесных повреждений) – 9,3 тысячи. В период с 1909 по 1913 год эти преступления занимают те же позиции, меняются лишь цифры: так, было зафиксировано 71,3 тысячи случаев грабежа и разбоя и 57,3 тысячи преступлений против личности (с учетом вышеуказанного исключения). Как констатирует Б. Н. Миронов, «после реформ 1860-х гг. объект преступлений изменился – место общественного и государственного порядка заняли частные лица, прежде всего их собственность» [5; 90–91].

Однако данная статья предполагает, прежде всего, не анализ воровства как одного из наиболее распространенных преступлений второй

половины XIX века с выявлением причин увеличения количества совершаемых краж, а рассмотрение сложившегося стереотипа о тотальном характере и неискоренимости воровства.

Если не обращаться к материалам статистики, то необходимо отметить, что рассматриваемые нами тексты различного уровня – от описаний деревенской повседневности до фольклорных данных – зачастую тяготеют к гиперболизации масштабов данного преступления, которая проявляется, в частности, в недифференцированности как субъектов, так и объектов воровства (по формуле «крадут все и всё»): «Мелкое воровство в описываемом районе представляет всеобщую болезнь, которой подвержен каждый крестьянин» [9; Т. 3; 336]; «Крадут все, что попадет под руку: скот, лошадей, одежду, деньги и т. п.»; «мелкое воровство, стянуть, что плохо лежит, – на это всякий белорус способен»²; «Воровство возросло здесь до поражающих размеров; случаи воровства насчитываются не единицами, а десятками... Крадут все: рожь из подвала, муку, платье, холст, только что положенный на “беливо”, крадут мясо, деньги»³; «Что ни двор, то вор; что ни клеть, то склад»; «Вор на воре, вором погоняет»; «На лес и поп вор (т. е. всякий дрова ворует)»⁴.

Хотелось бы отметить следующий парадокс, обыгрывающийся, в частности, в одной из паремий: при очевидном признании распространенности воровства одновременно констатируется отсутствие субъектов совершения преступлений, то есть воровство, по сути, приобретает обезличенный, а вследствие чего и неискоренимый характер: «Грабеж есть, воровство есть, а воров нет»⁵.

С одной стороны, механизм гиперболизации можно рассматривать как вневременной.

В целом воровство в России, если отвлечься от крестьянских представлений, всегда расценивалось как типичный для русского человека порок. В этом отношении интересны фразы, приписываемые венценосным особам и известным в России людям. Так, якобы одним словом «крадут» (в настоящее время цитируют «воруют») описал состояние дел в России Н. М. Карамзин; в оптимистическом ключе о воровстве пишет в частном письме в 1775 году Екатерина II: «Меня обворовывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть, что воровать»; тотальный характер воровства подчеркивается во фразе, приписываемой Николаю I: «В России только я не краду» [3], и в ответе генерал-прокурора П. И. Ягужинского Петру Первому на повеление вешать каждого, кто украдет на столько, что можно купить веревку: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой» [2; 245].

Не чужды представления о тотальном характере воровства и жителям современной деревни: «сейчас ужас – все ворье. Кругом. Кругом ворье»; «Бога нет – греха нет: берут и крадут всё». Последний пример интересен тем, что указывает на причину распространения воровства – «отмену» Бога в советское время, которая устранила и понятие греха как этической категории [12; 16]. Кроме того, здесь также содержится скрытое противопоставление нынешних времен и «идеального» прошлого. Воспроизводящий подобные стереотипы, как правило, исключает себя из данного континуума, причем зачастую это как бы само собой подразумевается.

Интересные наблюдения в отношении гиперболизации масштабов воровства, характерной для современного обыденного сознания, делает М. Н. Попова. Она отмечает, что один из аспектов, составляющих основу стереотипных представлений современного человека о воровстве, связан с представлениями о безграничности и масштабности этого феномена, в связи с чем при описании воровства наиболее актуальной метафорой является метафора водной стихии: «Осознавая величину размеров мирового океана, огромные водные просторы сравниваются с воровством, чтобы показать высшую степень распространенности этого явления» [7; 53].

Чем же обусловлено желание поживиться за чужой счет? Порок этот можно объяснить, в частности, тягой к легкой наживе, то есть тем, что русский философ Евгений Трубецкой назвал в свое время «воровским идеалом»: «Самое элементарное проявление этого жизнечувствия – мечта о богатстве, которое само собою валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий» [13; 102].

Упоминания о тяге к воровству как легкой наживе встречаются и в этнографических опи-

саниях, и в фольклорных текстах; в ряде случаев не украсть – значит подвергнуться насмешкам: «При всем своем трудолюбии ищерцы не прочь при всяком удобном случае поживиться чужою собственностью. За последние три года, говорят, было до 400 случаев краж» (См.: Станица Ишерская... С. 47); «Плохо лежит, у вора брюхо болит, мимо пройти, дураком прослыть»; «Вор говорит: мимо идти да не украсть дураком назовут»⁷.

При этом стремление украсть то, что плохо лежит, может стать непреодолимым, и кража в результате преподносится как своего рода неизбежность: «"Не клади плохо, не вводи вора в соблазн" – говорит пословица. Лежит вещь "плохо", без присмотра – сем-ка возьму, вот и воровство. Человек хороший, крестьянин-земледелец, имеющий надел, двор и семейство, не то чтобы какой-нибудь бездомный прощальга, нравственно испорченный человек, но просто обыкновенный человек, который летом в страду работает до изнеможения, держит все посты, соблюдает "все законы", становится вором потому только, что вещь лежала плохо, без присмотра» [15; 134]. См. также более современный пример: «Корней Иванович (Чуковский. – Т. Б.) водил в редакцию "Нового мира". По дороге с восторгом рассказывал, как у него был дворник и как тот сбежал, прихватив с собой пилу и плитку из кухни, и оставил на папиросной коробке послание: "Простите меня, Корней Иванович. Иначе не мог"» [1; 119].

Судя по материалам паремий, вору, занимающиеся кражей как промыслом, уже не могут отстать от него и зарабатывать на жизнь честным трудом: «Вворовавшись, не вдруг отстанешь» (См.: Даль В. И. Толковый словарь... С. 247); «Приедчив вору некраденый кусок»; «Вор и сытый, и обутый, и одетый украдет» (См.: Даль В. И. Пословицы... С. 158); «Вор беду избудет и (или "да") опять на воровстве будет»; «Сыпь вору хоть золотую гору – воровать не перестанет»; «Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет» (См.: Иллюстров И. И. Сборник... С. 359). Причем в текстах подчеркивается также неразборчивость вора: «Ворует что попало и где попало» [15; 32]; «Вор чего не крадет»; «Воришка зевает, а вор ничему не спускает»; «Доброму (или "Хорошему") вору все в пору»; «Добрый вор ничему не даст спуску» (См.: Иллюстров И. И. Сборник... С. 347).

С другой стороны, несмотря на то что представления о тотальном характере воровства, если рассматривать их в диахронии, носят вневременной характер, в рамках определенного временного промежутка в народном сознании зачастую срабатывает универсальная оппозиция прошлое / настоящее, где прошлое рисуется идеализированно и ассоциируется практически с отсутствием краж, а настоящее изображается

временем разгула воровства: «Прежде бывало, сказывают старики, никаких замков не было. Поедет мужик в город с хлебом, оставляет еще полжитницы хлеба, и только накажет кому-нибудь, чтобы поглядел, чтобы свиньи не залезли или ребятишки не набедокурили. Вот, как было <...> а нынче из-под замка глядят стащить, в особенности парни – на водку, и кто таскает – сыновья у своих батек и маток» [9; Т. 1; 121]; «Местные старики-крестьяне утверждают, что крайне редкие, едва ли не единичные и почти неслыханные в прежние старые годы случаи семейных краж младшими членами крестьянских семей имущества, являющегося достоянием и собственностью целой семьи, целого домохозяйства, в настоящее время сделались явлением обыденным и заурядным, не вызывающим ни в ком особого удивления» [9; Т. 4; 186]; «Теперь деревенские воры не стесняются уже соображениями о том, что именно и у кого они крадут, а воруют все, что плохо лежит, при этом <...> никто не обращает на это внимания, а напротив, многие скрывают следы воровства или даже принимают краденое»⁸.

В двух последних примерах хотелось бы обратить внимание на такие характеристики воровства, как обыденность и заурядность: в массе своей кражи, казалось бы, воспринимаются индифферентно и рассматриваются как неотъемлемая черта пореформенного быта и чуть ли не норма времени, связываемая с общим ухудшением ситуации, «распушенност[ью] нравов, ослаблени[ем] вообще власти родителей и глав семей – домохозяев» [9; Т. 4; 186], распространением пьянства – «водка заставляет воровать» (См.: Г. О. Хулиганствующая молодежь... С. 14), которое крестьяне объясняют пагубным влиянием городов, а также легким отношением к чужой собственности, объясняемым «отсутствием у народа твердых религиозно-нравственных принципов» [9; Т. 4; 185].

При этом само ухудшение ситуации осмыслялось зачастую в контексте эсхатологических представлений. Так, один из фольклорных сюжетов повествует о ночном «видении» пришедшего в дом странника, где наряду с другими грехами хозяев дома упоминается воровство, а пророчество странника «весь дом опустится» пророчествуется на род человеческий⁹.

Подобные представления характерны не только для пореформенного времени, однако, скорее всего, их актуализация была особенно характерна для переломных, сложных периодов. В качестве примера, соотносимого с таким периодом, можно привести представления, распространенные в Петровскую эпоху в старообрядческой среде и связанные со сменой календаря: «он [Петр I] украл восемь лет у Бога да еще перенес начало года на январь» [6; 168]. Кража времени является одной из реализаций моти-

ва ускорения времени перед приближающимся апокалипсисом, а кощунственность этого действия («украсть у Бога») дает еще одно основание для сопоставления образа царя и Антихриста.

Таким образом, в крестьянской среде распространение воровства ассоциировалось прежде всего с отходом от веры, порчей нравов и в целом с разрушением патриархальных устоев и традиций.

Рассматривая причины сложившегося стереотипа о тотальном характере воровства, можно предположить, что гиперболизация исследуемого феномена в некоторой степени была обусловлена многозначностью самого слова «воровство». По справедливому замечанию О. Б. Христофоровой, «„воровство“ в русской культуре – почти универсальный ярлык для греховного поведения, „вором“ могли назвать и убийцу, и разбойника, и прелюбодея» [14; 35–36].

При рассмотрении семантики данной лексемы в диахронии оказывается, что развитие лексического значения шло по пути сужения и «специализации» (мошенничество, плутовство, обман, колдовство, бродяжничество, разбой, преступление вообще – тайное изъятие и присвоение чужого).

Необходимо отметить, что, несмотря на сужение значения слова «воровство» в XIX веке, оно продолжает употребляться и по отношению к другим видам преступлений: «в разговорном языке слово „вор“ прилагается народом обыкновенно как к лицу, запятнавшему себя кражей, так и к совершившему грабеж, и к сделавшему растрату, – ко всякому человеку, посягнувшему, так или иначе, из корыстных побуждений на чужую собственность» [9; Т. 4; 187]. См. также обыгрывание многозначности слова «вор» в широко известной пословице: «Вор у вора дубинку украл» [10; 40].

Скорее всего, именно «памятью слова» можно объяснить и стремление некоторых авторов расширить границы рассматриваемого ими явления за счет включения самых разнообразных девиаций, объединенных семантикой порочности и греховности: «имя этим кражам легион; так их много и так они разнообразны, что, право, для того, чтобы пересчитать только их, потребовалось бы написать, кажется, целую книгу. Разве бесчестье, ложь, обманы, притеснения в платежах, нечестная торговля <...> лихоимство, ростовщичество, взяточничество, нарушение договоров и условий, намеренная порча хозяйского скота или имущества, покупка краденного, укрыительство и даже помощь и содействие вору, злостное нищенство и тунеядство, погромы полей и лугов, принадлежащих богатым владельцам, порубки в лесах и пр. и пр., разве все это не воровство?»¹⁰ Однако объяснение, связанное только с изначально более широкой семантикой слова «воровство», вряд ли можно считать исчерпывающим.

Возможно, механизм гиперболизации с обязательным (и, как правило, само собой подразумевающимся) исключением воспроизводящего стереотипа о тотальной распространенности воровства из круга приверженных этому пороку (по формуле «один я не краду») связан также с присущим этнокультурному сознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности». Исключая себя из категории «проворовавшихся», любой из носителей данного стереотипа осознает собственную непричастность к перераспределению материальных благ, пусть даже нелегитимному, и автоматически встает на позицию жертвы. По сути, рассуждения о тотальном воровстве могут служить объяснением личной «обделенности» или шире – общей социальной неустроенности и беспорядка.

Кроме того, такие рассуждения могут служить и способом легитимизации собственного проступка, своего рода оправдательным мотивом при совершении кражи, но при этом изъятие чужой собственности не получает в оценках носителей традиции наименования воровства, соотносящегося с категорией позора, а участие в таком «перераспределении» имущества оправдывается собственной обделенностью и стремлением восстановить социальную справедливость.

Так, например, покушение на помещичий лес крестьяне называли дележом и зачастую отправлялись в лес целой деревней¹¹. Что касается осмысления кражи как дележа собственности, можно отметить, что оно встречается и в художественной литературе, в частности в повести А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая»: «Если от многого берут немножко, / Это не кража, а просто дележка! Так сказал великий писатель, какой именно, Сашка забыл. Не важно: писательский опыт он усвоил» [8; 125]. В данном случае герой А. И. Приставкина вспоминает цитату из «Сказок об Италии» Максима Горького. В оригинале это двустишие дано как цитата из итальянской песенки: «...когда из многого берут немножко, это не кража, а просто дележка» и служит шутливым оправданием какого-либо незаконного изъятия собственности [4].

Отметим, что мечта несколько уравнивать зажиточных и неимущих отражалась и в лексике, и в фольклоре. См., в частности, псков., твер. «сверстать» в значении «украсть, стянуть»¹² и предание о мужике Ровняе, который получил свое прозвище за то, что «людей ровнял: от богатых убавлял – бедным прибавлял» [11; 112–113].

Эти предположения подтверждаются и современными материалами. См. например, одно из иронических стихотворений, воспроизводящих стереотип о тотальном характере воровства: «Америк не открою, всем известно, / Что в нашей среднерусской полосе / Исчезли напрочь те, кто жили честно, / У нас воруют абсолютно все! / Приделать ноги норвят чужому, / Наверно, сперли термин “Не мое”! / Унес из кабака бокал для дома / Интеллигент, который из графьев! / Воруют все! Не стало больше лоха, / Кто был бы в этом деле лыком шит! / Воруют всё, что здесь лежало плохо, / И даже то, что хорошо лежит! / Прораб ворует с честною улыбкой / Себе кирпич на дачу не спеша, / Бабулька разжила пустой бутылкой, / Упертой из-под носа алкаша. / На этом замечательном пиру я, / Выходит, лишней?! Полная фигня! / Обидно мне не то, что все воруют, / А то, что почему-то без меня! / Воруют все, и хором, и приватно, / Я ж обойден на этом дележе... / Сегодня просочусь в метро бесплатно, / Авось и полегчает на душе!»¹³

Ирония стихотворения заключается в том, что герой отнюдь не противопоставляет себя общей массе, как в вышеприведенных текстах, где имплицитно это противопоставление все-таки содержится. С другой стороны, для него попытка разделить судьбу с остальными представляется как акт восстановления справедливости по принципу «если все воруют, то почему это запрещено мне?». См. также следующие диалоги и рассуждения: «Би-би-си: Почему ты ворует? Подросток: Все воруют, и я ворую, что я буду упускать такую возможность, что ли? Это правительство во всем виновато»¹⁴.

«Массовая вера в то, что воруют все или, вернее, все способны при случае, невероятно поощряет действительное воровство. Ведь такое убеждение – это почти приказ его носителю включиться в подобное занятие. Раз все – то чего ему, носителю, воздерживаться?»¹⁵.

Таким образом, «тотальная» распространенность воровства в пореформенный период, вызванная совокупностью политических, социально-экономических и ряда других причин, является в некоторой степени отражением объективной реальности, однако, прежде всего, это свойственная народному сознанию универсальная мифологема, актуализация которой связана с болезненной для большинства населения модернизацией страны, а также с присущим этнокультурному сознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Станица Ищерская (составлено на основании данных, представленных учительницами Бутовой и Лысенко) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Отд. 1. Тифлис, 1893. С. 47.

² Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т. 3. Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. С. 20.

- ³ Г. О. Хулиганствующая молодежь // Олонецкая неделя. 1913. № 16. С. 13–14.
- ⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: В 2 т. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. С. 183.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. С. 247.
- ⁶ Полевой архив Европейского университета (СПб.). ЕУ-Шола-03-ПФ-1.12-ПЕА. Соб.: Кушкова А. Н.
- ⁷ Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1904. С. 345–346.
- ⁸ Пр-ский А. Из наблюдений сельского священника над деревней // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 14. С. 335.
- ⁹ Бурцев А. Сборник материалов по этнографии с приложением картин из русской жизни: В 4 вып. Вып. 1. СПб.: Художественная типография А. К. Вейерман, 1905. С. 19–21.
- ¹⁰ Быстров А. Н. Беседы о воровстве // Пастырский собеседник. 1899. № 51. С. 760.
- ¹¹ О лесостроении // Киевские губернские ведомости. 1865. № 3. С. 12.
- ¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 57.
- ¹³ См.: Клон некоторых там. Воруют все! Туса поэтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gonduras.net/index.php?a=2233>
- ¹⁴ См.: Беспорядки в Англии: «будем грабить, пока не поймают». BBC. Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/08/110810_riots_looters.shtml
- ¹⁵ См.: Олещук Ю. Воруют все. Кроме меня. Огонек. Лучшее 2008. № 52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogoniok.ru/archive/1998/4573/38-20-21/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестов В. Пробудить гениальность: о детской литературе, детском чтении и психологии детства: Статьи. Воспоминания. Беседы. Стихи / Сост. Р. Ефимова. Ярославль, 2007. 287 с.
2. Демичев А. А. Отношение российских правителей XVIII – первой половины XIX вв. к воровству как элементу повседневной жизни (по материалам анекдотов) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 5. С. 245–250.
3. Душенко К. В. Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней: Справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litportal.ru/genre214/author6062/read/page/1/book29846.html>
4. Известные выражения: Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krylslova.ru/index.php?a=term&d=1&t=1326>
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. 568 с.
6. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. 448 с.
7. Попова М. Н. Репрезентация концепта «воровство» в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2010. 211 с.
8. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая. Повесть. Рассказы. Петрозаводск, 1991. 239 с.
9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с. Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. 648 с. Т. 4. Нижегородская губерния. СПб., 2006. 412 с.
10. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И. М. Снегирев. М., 1995. 576 с.
11. Тихвинский фольклорный архив: Исследования и материалы. СПб., 2000. 156 с.
12. Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2000. С. 9–44.
13. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С. 100–118.
14. Христофорова О. Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.
15. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем, 1872–1887 / Под ред. А. В. Тихоновой. СПб., 1999. 715 с.

Bauer T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STEALING AS TOTAL EVIL: REALITY AND MYTH

The purpose of the article is to focus on a stereotype of the total character of stealing and to detect causes for exaggeration of the scope of this crime according to the data of peasant culture of the middle of the 19th – early 20th centuries. Stealing was always considered as one of the main evils of the Russian society. However, the question as to whether this stereotype is true has been never purposefully researched. Scientific novelty of the research arises from the lack of studies on mythologizing of stealing in the context of Cultural Anthropology. The author of the article comes to a conclusion that the “total” abundance of stealing in the post-reform period, to a certain extent, is a reflection of objective reality; however, first of all it is a common mythologema, actualization of which is connected with the process of modernization carried out in the country, which was so painful for many people.

Key words: peasants, ethnocultural concept, mechanism of exaggeration of the crime extent

REFERENCES

1. Berestov V. *Probudit' genial'nost': o detskoy literature, detskom chtenii i psikhologii detstva: Stat'i. Vospominaniya. Besedy. Stikhi / Sost. R. Efimova* [To awaken genius: about juvenile literature, childhood reading and child psychology: Articles. Reminiscences. Interviews. Poems / Completed by R. Efimova]. Yaroslavl, 2007. 287 p.
2. Demichev A. A. A stance of Russian rulers of the 18th – early 19th centuries on stealing as an element of daily life (based on anecdotes) [Otnoshenie rossiyskikh praviteley XVIII – pervoy poloviny XIX vv. k vorovstvu kak elementu povsednevnoy]

- zhizni (po materialam anekdotov)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [KSU Academic Proceedings. Humanitarian Sciences]. 2008. Vol. 150. Book 5. P. 245–250.
3. Dushenko K. V. *Tsitaty iz russkoy istorii. Ot prizvaniya varyagov do nashikh dnei: Spravochnik* [Quotations of Russian history. From the calling of the Varangians up to the present days: Catalogue]. Available at: <http://www.litportal.ru/genre214/author6062/read/page/1/book29846.html>
 4. *Izvestnye vyrazheniya: Entsiklopediya* [Famous phrases: Encyclopedia]. Available at: <http://krylslova.ru/index.php?a=term&d=1&t=1326>
 5. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia of the period of the Russian Empire (18th – early 20th centuries): Genesis of a person, a democratic family, a civil society and a legal state]. Vol. 2. St. Petersburg, 2000. 568 p.
 6. Nikol'skiy N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of Russian Church]. Moscow, 1983. 448 p.
 7. Popova M. N. *Reprezentatsiya kontsepta "vorovstvo" v russkom yazyke: Diss. ... kand. filol. nauk* [Representation of the concept of "stealing" in the Russian language. Candidate philol. sci. diss.]. Tula, 2010. 211 p.
 8. Pristavkin A. I. *Nochevala tuchka zolotaya. Povest'. Rasskazy* [Colden cloud spent the night. Novel. Stories]. Petrozavodsk, 1991. 239 p.
 9. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Living conditions. Customs: Materials of "Ethnographic bureau" of V. N. Tenishev, the Duce.]. Vol. 1. St. Petersburg, 2004. 568 p. Vol. 3. St. Petersburg, 2005. 648 p. Vol. 4. St. Petersburg, 2006. 412 p.
 10. *Russkie narodnye posloviitsy i pritchi / Sost. I. M. Snegirev* [Russian folk proverbs and paroemias / Completed by I. M. Snegirev]. Moscow, 1995. 576 p.
 11. *Tikhvinskiy fol'klorny arkhiv: Issledovaniya i materialy* [Folk archives of Tikhvin: Research results and materials]. St. Petersburg, 2000. 156 p.
 12. Tolstaya S. M. A sin in Slavic mythology [Grekh v svete slavyanskoy mifologii]. *Kontsept grekha v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii: Sbornik statey* [A concept of sin in Slavic and Jewish cultural traditions: Collection of works]. Moscow, 2000. P. 9–44.
 13. Trubetskoy E. "Another Realm" and its searchers in Russian folk fairy tales ["Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke]. *Literaturnaya ucheba* [Literature study]. 1990. № 2. P. 100–118.
 14. Khristoforova O. B. *Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye traditsii: semantika, pragmatika, sotsial'nye funktsii: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Discourse on witchcraft and local folklore traditions: semantics, pragmatics, social functions. Author's summary of the thesis for PhD degree in Philology]. Moscow, 2010. 46 p.
 15. Engel'gardt A. N. *Iz derevni. 12 pisem, 1872–1887 / Pod red. A. V. Tikhonovoy* [From the village 12 letters, 1872–1887 / Edited by A. V. Tikhonova]. St. Petersburg, 1999. 715 p.

Поступила в редакцию 30.06.2014